

ческого изобретения новых механизмов регуляции, основанных на все более универсальных и эгалитарных основаниях, отсылающих не столько к пространству тех или иных исторически и культурно сложившихся национальных политик, сколько к глобальному миру. Поскольку эффективность государства в актуальной миросистеме может быть только глобальной, а национальное — лишь одно из многих мест применения глобальных социальных новаций.

Модерновому по своим схемам управления и легитимации государству все труднее управлять массовым, потребительским, аполитичным обществом. Масса ускользает от определения своей сущности, фиксации своей идентичности, патриотической риторики (потребитель — естественный космополит), от всех тех приемов национальных государств, посредством которых ею можно было бы манипулировать как политическим субъектом, единым политическим классом. В свою очередь, жесткой стратегией масс является провокация, которая, будучи осуществленной демонстративно, заставляет власть прибегнуть к альтернативе, на угрозе которой строится ее сущность — к насилию. Однако именно необходимость прибегать к насилию дискредитирует власть: «Провокация является вызовом для властителя, требующим от него демонстрации или даже реализации своих альтернатив избегания, что приводит к разрушению его власти им же самим. Это типично детское испытывающее поведение, которое, однако, может быть рекомендовано и как общественно-политическая стратегия»¹. Практика «оранжевых революций» наглядно показывает, как технологически из подобных провокаций государства произрастают революционных изменения.

4. Будущее без идеологий и утопий

Властвующая элита не только не продемонстрировала массовому российскому обществу нравственных образцов, но даже не предприняла попыток их предъявить. Наоборот, на высшем политическом уровне общество видит лишь обывательские и эгоистические модели мышления и поведения.

Кроме того, элита так и не сумела разработать механизмы консенсуса, открытых общественных дискуссий, разделения полномочий и ответственности с оппозицией. Элиты оказались неспособными договариваться о взаимоприемлемых решениях, стабилизирующих политический процесс. Но и на уровне массового общества необходимый для консолидации страны моральный консенсус также не сфор-

¹ Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. С. 183.

мирован. Несмотря на процессы централизации и унификации, Россия остается идейно расколотой и исторически неодновременной страной, где несколько успешных мегаполисов не могут скрыть разрушения и деиндустриализации остального инфраструктурного пространства. Поэтому закономерным следствием слабой легитимности элит становится активный поиск «национальной идеологии» и «базовых ценностей» общества.

При доминирующем индивидуализме и прагматизме элит, механизмы консолидации общества в политическую нацию работают слабо. В российском социуме сегодня превалирует идеология здравого смысла и ценностей общества потребления, где правит бал обыватель. Возведение его в политическую норму в качестве «нормального» гражданина ведет к распаду нации-государства, поскольку любой потребитель является по своей природе эгоистом. Подобные процессы полураспада характерны в современном мире для большинства наций.

И тем не менее в самой основе интеллектуальной стратегии, которую власть сегодня предлагает российскому народу, лежит приоритет общества потребления в том его виде, который прямо ведет к распаду единого социума. Государственная идеология, сформулированная в терминах экономики общества потребления, и рациональная гегемония «человека экономического», руководимого только собственными материальными потребностями, отсутствие негласного общественного договора делают социум крайне уязвимым, а Россию и технологически, и психологически не готовой к возможным переменам, особенно негативного характера. Об этих тяжелых переменах природного и социального свойства просто никто не думает, поэтому они оказываются такими ошеломляющими и для власти, и для бизнеса, и для общества, как показала мировая экономическая депрессия. Эта неготовность стала основным итогом политического курса всего предшествующего периода.

Следует отметить, что онтологическое изменение российского социума значительно опередило на современном этапе развитие категориального и методологического аппаратов социальных наук. Продолжая оперировать «вчерашними концептами», социальное знание оказывается бессильным в понимании настоящего и ближайшего будущего, которое осуществляется «здесь и сейчас». Современная социальная мысль в России находится в поисках эффективного инструментария для комплексного, целостного осмысления случившихся с обществом изменений. При этом большая часть ученых продолжает исходить из парадигм, унаследованных от формационного подхода, теорий модернизации, терминологических оппозиций вроде традиционного и современного, западного и почвенного. Но адекватны ли они реальности? Не происхо-

дит ли так, что принципиально новым социальным явлениям присваиваются старые названия? Ведь современные государства, партии, парламенты, выборы и идеологии представляют собой совсем не то же самое, что одноименные феномены и институты 200-летней давности.

Все ключевые споры, по сути, сводятся к одному принципиальному вопросу: есть ли реальные и более справедливые альтернативы капитализму, демократии, нации-государству и идее гражданства? Пока таких альтернатив никто не выдвигает. Речь идет лишь о включении/исключении из корпуса граждан тех или иных групп и об объеме прав и привилегий для различных групп граждан. Но подобные споры идут **внутри** системообразующего дискурса государства, несмотря на постепенное ослабление современных наций, которым бросают вызов и размывают их суверенитет все большее количество над- и субнациональных структур управления, кооперации, взаимодействия.

В области политической мысли характерным явлением периода постбиполярности стало резкое ослабление влияния современных идеологий и утопий. В связи с распадом СССР и стабильной биполярной миросистемы многие исследователи в странах «второго» и третьего мира сожалеют об утрате веры в утопии и надежд на лучшее будущее. А еще большее число исследователей искренне полагает, что без возникновения влиятельных идеологий нельзя достигнуть успеха в тех социально-политических преобразованиях, на путь которых встала Россия. Причем так считают и те, кому направление преобразований в целом нравится, и те, кто придерживается противоположной точки зрения.

Тем не менее новые политические учения в виде современных идеологий, а тем более одна общенациональная идеология в обозримом будущем не возникнут, и возможно, этого больше не будет никогда. Данную позицию начинает разделять и правящий класс, уже убедившийся в невозможности возврата как к привычным идеологиям, так и формулировке новой национальной идеи. Достаточно сравнить два высказывания в первом и последнем посланиях В. Путина в качестве Президента России:

2000 г. «...В обществе уже есть достаточно высокий уровень согласия по принципиальным вопросам развития страны. И не нужно специально искать национальную идею. Она сама уже вызревает в нашем обществе. Главное — понять, в какую Россию мы верим и какой хотим мы эту Россию видеть...»¹.

2007 г. «...У нас с вами, в России, есть еще такая старинная русская забава — поиск национальной идеи. Это что-то вроде поиска смысла

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000 // Российская газета. 11 июля 2000 г.

жизни. Занятие в целом бесполезное и небезынтересное. Этим можно заниматься всегда и — бесконечно. Не будем сегодня открывать дискуссию по этим вопросам»¹.

С одной стороны, Президент задает курс на естественное образование общих, консолидирующих ценностей в российском обществе. Однако национальная идея или интегрирующая идеология так и не родились сами собой за весь период после СССР. Президент исходит из того, что национальная идея сможет вызреть из неких «общих ценностей». Правда, он избегает их конкретизации, подчеркивая лишь то, что они «уже есть». Таким образом, проблема самоочевидности является проблемой «голового короля»: все делают вид, что в курсе «общих ценностей», хотя на самом деле их содержание остается «черным ящиком». Поэтому закономерно, что, так и не дождавшись «естественного» возникновения нацидеи, Президент меняет тактику, заявляя, что эта «русская забава» не особо России и нужна, можно вообще обойтись без нее.

Но что же тогда является легитимирующим основанием современного российского политического режима, если старые ценности разрушены, а новых не появилось?

Понимая невозможность воскрешения привычных современных дискурсов, исследователи все равно пытаются найти «новые идеологии», утешая себя тем, что на смену деодеологизации российского общества, как прощанию с привычными идеологиями общества классического Модерна, неизбежно должна прийти реидеологизация. Однако пока что в результате попыток поставить на пустующее место привычные идеологии можно наблюдать лишь ни к чему не обязывающие формулировки, которые никогда не воскресят те дискурсы, чье историческое время уже прошло.

Получаются беспомощные формулировки типа «мы за все хорошее». Вот, например, одна из таких заявок на идеологию для России: «Эта идеология должна иметь светский и научный характер, вобрать все лучшее, что накоплено мировой цивилизацией и культурой, отражать интересы абсолютного большинства граждан, то есть быть действительно общегражданской... На наш взгляд, она включает такие понятия и ценности, как “права человека”, “справедливость”, “свобода”, “солидарность”, “демократия”, “патриотизм” и др.»². Но в том-то и дело, что перечисленные ценности и императивы характерны для современного либерального консенсуса, который в глобальном плане работает все хуже.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007 // Российская газета. 27 апреля 2007 г.

² Славин Б. Россия в поисках идеологии // Свободная мысль. 2008. № 5. С. 29–30.

Фактически все предпринятое с целью изменить социальную онтологию России представляет собой лишь фрагментированные попытки «ремонта» окружающей социальной реальности, что ведет лишь к упрочнению статус-кво. Социальный идеал предстает как механическая проекция настоящего в будущее, оборачивающаяся «тиранией настоящего времени». Однако подлинные проекты будущего связаны с альтернативными версиями современности, которые содержатся и внутри нее самой. Сегодня в России наиболее интересные и последовательные попытки выработки оснований таких проектов осуществляются в рамках не столько традиционных политических учений Модерна (либеральные, консервативные, социал-демократические проекты), сколько разного рода «ультра-проектов» — экстремистских, экологических, эсхатологических, фундаменталистских, историософских, реваншистских.

Следует признать, что в своей основе любая политика зиждется на отсроченном насилии¹. Но самая искусная и эффективная политика, способная достигать долгосрочных и фундаментальных целей — это политика, основанная на ценностях, убеждениях, идеологиях и утопиях. Политика, основанная не на страхе и угрозе наказания посредством легальных институтов насилия, а апеллирующая к вере в ценности, законы и справедливость. Именно дефицит такой нормативной (идеологической) политики, ориентированной на долгосрочные цели, можно наблюдать в мировой и российской политике.

Российская общественная мысль находится в поиске новых целей. Имеется запрос на непривычное, на предсказание того, чего еще не было. Основным направлением поисков стало будущее. Именно туда смещаются научные интересы. Настоящее стало слишком прозрачным и предсказуемым, чтобы составлять теоретическую проблему, выходящую за рамки повседневного потока политических событий, которым живет политическая публицистика, различные эксперты и «говорящие головы» на ТВ.

Назрела принципиальная смена целей для России. Этап институционализации и знакомства с мировыми достижениями, как и разочарования во многих из них, фактически закончен. Необходимо переходить к другому этапу. И в момент такого перехода возникает развилка выбора. Первый вариант — отечественная мысль довольствуется статусом нормальной по отношению к существующим «универсальным» образцам. Но подобная нормальность подразумевает вторичность и несамостоятельность в выборе ценностей и целей на уровне политической философии. Второй — российская мысль замыкается

¹ См.: *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.

в себе, трактуя универсальное как национальное. Наконец, третий путь, который может стать оптимальным, связан с верой в то, что наше политическое как особенное мы сможем сделать интересным для остального мира, а следовательно, всеобщим. Предложить новые ценности и цели если не в настоящем, то в будущем.

Именно поэтому будущее так привлекательно, — ведь в настоящем Россия пока не демонстрирует уникальности, особенностей, которые могли бы стать новыми образцами. Проблема в том, что будущее начинается с утопии, которая не может иметь общих оснований и ценностей с тем социальным бытием, которое она отрицает. Иначе она будет зависимой в своей легитимности от всего того, что стремится опровергнуть, улучшить, изменить. Утопия — это всегда новая история, новые ценности и системы отсчета.

Следует признать, что в России сегодня нет таких проектов будущего, которые российское общество захотело бы не только действительно реализовать, но и вовлечь в них остальное человечество. Пока не сгенерировано ничего, что было бы воспринято внешним миром. Наоборот, Россия является чистым импортером нормативных стандартов. Эта ситуация требует изменения, поскольку без интеллектуального суверенитета никакие инновации в обществе невозможны в принципе.

Но изменить положение к лучшему можно, лишь изменяя принципы и стандарты организации глобального Модерна в целом. Рецепты только для России уже не заработают, так как она является частью целого. А менять часть можно, лишь претендуя на целое в его политической тотальности. Это предполагает цели, выходящие за рамки острова-России и обращенные к человечеству. Но заработать впервые они должны именно здесь и сейчас. Только тогда можно будет утверждать, что Россия предпринимает реальные попытки приблизить будущее и покинуть слишком многих обделяющее неолиберальное настоящее общества потребления, которое не смогло реализовать заявленные цели и стандарты в глобальном масштабе, а потому нуждается в преодолении.

Качество любых долгосрочных прогнозов определяется не тем, сбываются они или нет. Прогнозы закономерно не сбываются, остальное является скорее отклонением и стечением обстоятельств. Интеллектуальный вызов сегодняшнего дня — дать обществу утопию, без которой оно не может развиваться. Обрисовать достижимый и желательный, но при этом качественно иной в сравнении с настоящим образ будущего, будущего, к которому стоит стремиться каждому, преодолевая свою неизбежную конечность (смертность), поскольку это будущее действительно выходит за пределы индивидуального горизонта. Без этого условия будущее не возникнет никогда.